

УДК 811.581'373:316.7

А. Л. Стрижак, Цуй Япин

ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА КАК НОСИТЕЛЬ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье рассматривается оценочная лексика китайского языка, определяется доминирующая группа слов с эмоционально-оценочным значением, анализируются морфемы, вносящие в сложное слово добавочную отрицательную характеристику описываемого объекта или явления, выявляется оценочный потенциал неологизмов.

Большой пласт в составе любого языка представляет эмоционально-оценочная лексика, выражающая чувства, эмоции и оценочные суждения. В китайской лингвистике значительных успехов в разработке категории эмоциональности достигла Лю Цзюань [1], которая системно изложила теорию концептуального анализа данной категории, проанализировала основные концепты эмоций в китайском культурном контексте, а также осуществила детальный обзор теоретических исследований лингвистики эмоций за пределами Китая. Ян Минтянь [2] в своей работе также затрагивает сферу эмоций, исследуя абстрактные существительные с культурным значением 'отражение чувств, переживаний'.

Основную массу слов с эмоционально-оценочным значением в китайском языке составляют слова, возникшие в результате сложения корней. Экспрессивные возможности некоторых корневых морфем китайского языка весьма значительны, так как они наряду с основным номинативным значением потенциально содержат субъективно-оценочную характеристику. Корни сложных слов китайского языка в большинстве своем равны одному слогу. Это создает большие возможности для широкой сочетаемости знаменательных морфем.

Слова, образованные сложением двух корневых морфем, представляют собой доминирующую группу лексем с эмоционально-оценочным значением в китайском языке:

美妙 meimiao (красивый + превосходный) – 'прекрасный'; 凄惨 qican (печальный + горестный) – 'скорбный, грустный';

惊人 jingren (изумлять + человек) – 'изумительный, поразительный'; 出色 chuse (превосходить + обычное качество) – 'выдающийся, видный';

恶霸 eba (зло + деспот) – 'изверг, живодер'; 政客 zhengke (политика + гость) – 'политикан'; 恩人 enren (милость + человек) – 'благодетель';

可怕 kema (можно + страшиться) – 'страшный'; 可怜 kelian (можно + жалеть) – 'жалкий'; 可耻 kechi (можно + стыдиться) – 'постыдный'; 可爱 ke'ai (можно + любить) – 'милый, любимый';

多情 duoqing (много + чувство) – 'чувствительный, добрый'; 多嘴 duozui (много + рот) – 'словоохотливый, болтливый'; 多心 duoxin (много + сердце) – 'мнительный, подозрительный';

懒汉 lanhan (ленивый + мужчина) – 'лентяй, лоботряс'; 醉汉 zuihan (пьяный + мужчина) – 'пьяница, пропойца'; 无赖汉 wulaihan (недостойное поведение + мужчина) – 'хулиган, бродяга';

恶棍 egun (злой + бездельник) – ‘злодей, негодяй’; 赌棍 dugun (играть на деньги + бездельник) – ‘азартный игрок’; 光棍 guanggun (нагой + бездельник) – ‘негодяй, бродяга’;

财迷 caimi (богатство + страстный любитель) – ‘скряга, скупердяй, жмот’; 棋迷 qimi (шахматы + страстный любитель) – ‘заядлый шахматист’; 戏迷 ximi (представление + страстный любитель) – ‘страстный театрал’; 电影迷 dianyingmi (кино + страстный любитель) – ‘киноман’ [3, с. 54–57].

Семантический анализ словообразовательных средств современного китайского языка свидетельствует о наличии в нем морфем, вносящих в сложное слово добавочное значение отрицательной характеристики. Некоторые морфемы в качестве словообразовательного средства практически полностью утрачивают прямое предметно-логическое значение, но сохраняют коннотативную семантику, образуя существительные с негативной оценочной характеристикой. Так, морфема 鬼 gui, которая в самостоятельном употреблении значит ‘черт, дьявол, привидение’, образует следующие существительные:

醉鬼 zuigui (пьяный + черт) – ‘пьяница, пропойца’; 烟鬼 yangui (табак + черт) – ‘курильщик’; 色鬼 segui (половая страсть + черт) – ‘бабник, ловелас’; 赌鬼 dugui (играть на деньги + черт) – ‘азартный игрок’; 穷鬼 qionggui (бедный + черт) – ‘голодранец’; 吸血鬼 xixuegui (сосать + кровь + черт) – ‘кровопийца’; 油滑鬼 youhuagui (скользкий + черт) – ‘хитрец’; 精明鬼 jingminggui (хитроумный + черт) – ‘ловкач’; 吝啬鬼 linsegui (скупой + черт) – ‘скряга, жмот’.

Рассмотрим также слова, образуемые морфемой 虫 chong ‘червь, насекомое, пресмыкающееся’:

寄生虫 jishengchong (жить на чужой счет + червь) – ‘дармоед, тунеядец, паразит’; 应声虫 yingshengchong (откликаться + червь) – ‘подпевала, подголосок’; 糊涂虫 hutuchong (глупый + червь) – ‘глупец, дуралей’.

Морфемы 鬼 и 虫 в силу своего номинативного значения вызывают отрицательные эмоции. В качестве словообразовательных средств они образуют лексические единицы с негативным эмоционально-оценочным значением [3, с. 65].

Некоторые нейтральные слова развивают эмоционально-оценочное значение в контексте. Так, слово 豢养 huan yang ‘выкармливать скот’ относится к нейтральной лексике, но способно приобретать метафорическое значение ‘выкормыш’. 闹剧 naoju – ‘фарс’ тоже относится к нейтральной лексике, но часто используется в переносном значении ‘непристойное, циничное зрелище’.

Рассмотрим некоторые неологизмы, возникшие в китайском языке на протяжении последних десятилетий. В целесообразности рассматривать неологизмы как экспрессивно-оценочные средства нас убеждает характер их использования в современных СМИ, поскольку новое слово не только именуется, но и выражает отношение говорящего к действительности [4; 5; 6].

Китайские ученые характеризуют ситуацию с появлением новых слов как «постоянный взрыв», происходящий в различных сферах общественной жизни, естественных и гуманитарных науках, образовании, быту и т. д. [7; 8; 9]. Под неологизмами понимают новые по форме и значению слова и словосочетания, характерный признак которых – сохранение чувства новизны. За последние годы возникновение новых слов, фраз, выражений, новых значений известных слов связано со значительными переменами в китайском обществе,

небывалым до настоящего времени уровнем открытости страны во взаимоотношениях с внешним миром, ее вовлечением в процесс глобализации, а также с прогрессом техники и науки. В последнее время появилось большое количество новых слов, которые обозначают те или иные явления и предметы, которых раньше не было в жизнедеятельности людей, их повседневном быту: 艾滋病 Àizībìng ‘СПИД’; 克隆 ‘клонирование’; 激光视盘 ‘лазерный диск’; 迪斯科 Dísīkē ‘диско’; 软件 ‘программное обеспечение’; 电磁炉 Diàncílu ‘микроволновая печь’ [7].

Наибольшее количество неологизмов, проанализированных нами, оказались существительными (59 слов): 1) 网友 wǎngyǒu (сущ.) – 1. ‘друг в Интернете, сетевой друг’, 2. ‘пользователь Интернета’; 2) 媒体 méitǐ (сущ.) – ‘масс-медиа’; 3) 网站 Wǎngzhàn (сущ.) – ‘веб-сайт’.

Примерами глаголов (29 слов) могут послужить следующие неологизмы: 1) 点击 Diǎnjī (глагол.) – ‘кликать, щелкать (мышкой)’; 2) 回帖 Huítíe (глагол.) – ‘отвечать на пост’; 3) 上网 Shàngwǎng (глагол.) – ‘сидеть в Интернете’.

Далее рассмотрим примеры прилагательных (11 слов): 1) 生僻 Shēngpì (прил.) – ‘редкий’; 2) 萌萌哒 méngméngdá (прил.) – ‘милый, забавный’; 3) 好潮 hǎo cháo (прил.) – ‘модный, актуальный’.

В результате проведенного исследования было выявлено, что наиболее распространенный тип образования неологизмов – двуслоги (их было найдено намного больше, чем неологизмов остальных типов, – 80 слов). Далее, по убыванию, были найдены трехслоги (их количество равно 14) и четырехслоги (6). Ниже рассмотрим каждый из этих типов.

Двуслоги (двуморфемные неологизмы), образованные по модели существительное // прилагательное // глагол + существительное:

1) 市场 Shìchǎng (сущ.) – ‘рынок’ (市 Shì – ‘рынок’; 场 chǎng – ‘площадка’); 2) 慢性 Mǎnxìng (прил.) – ‘хронический’ (慢 Mǎn – ‘медленный’; 性 xìng – ‘свойство’); 3) 分力 Fēn lì (глагол.) – ‘разделять силы’ (分 Fēn – ‘делить, разделять’; 力 lì – ‘сила’).

Трехслоги:

1) 松糕鞋 Sōnggāoxiē (сущ.) – ‘обувь на платформе’ (松糕 Sōnggāo – ‘сдобная булочка’; 鞋 xiē – ‘обувь’); 2) 客户端 Kèhù duān (сущ.) – ‘клиентский терминал’ (客户 Kèhù – ‘клиент, покупатель’; 端 duān – ‘конец’); 3) 竞争力 Jìngzhēng lì (сущ.) – ‘конкурентоспособность’ (竞争 Jìngzhēng – ‘конкурировать’; 力 lì – ‘сила’).

Четырехслоги:

1) 自给自足 Zì jǐ zì zú (сущ.) – ‘самообеспечение’ (自给 Zì jǐ – ‘самостоятельно удовлетворять свои потребности’; 自足 zì zú – ‘свои потребности’); 2) 缓冲作用 Huǎnchōng zuòyòng (сущ.) – ‘буферное действие’ (缓冲 Huǎnchōng – ‘смягчать удар’; 作用 zuòyòng – ‘действие’); 3) 工业园区 Gōngyè yuánqū (сущ.) – ‘промышленная зона’ (工业 Gōngyè – ‘промышленность’; 园区 yuánqū – ‘участок’).

Анализ материала показал, что значительное количество неологизмов связано с Интернетом и компьютерными технологиями. Напр.: 1) 网络 wǎngluò – ‘компьютерная сеть; Интернет’; 2) 恶搞 Ègǎo – ‘троллинг’; 3) 网游 Wǎngyóu – ‘интернет-игра’.

Таким образом, отличительной особенностью оценочных лексических единиц современного китайского языка является наличие национально-культурного компонента в их значении, при этом основная масса оценочной лексики представлена словами, образованными сложением двух корневых морфем. Определено также, что названная деривационная особенность – словопроизводство путем объединения двух корней – характерна в китайском языке и для неологизмов с экспрессивно-оценочным значением.

Список использованных источников

- 1 Лю Цзюань. Концепт «Путешествие» в китайской и русской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Цзюань Лю ; Волгоградский гос. ун-т. – Волгоград, 2004. – 193 с.
- 2 Ян Минтянь. Сопоставительный анализ концепта / Минтянь Ян. – Шанхай : Шанхайское перевод. изд-во, 2009. – 370 с.
- 3 Горелов, В. И. Стилистика современного китайского языка / В. И. Горелов. – М. : Просвещение, 1979, – 192 с.
- 4 Касьянова, Л. Ю. Коннотативно-прагматическое содержание неологизма / Л. Ю. Касьянова // Известия РГПУ. Сер. 6, Языкознание. – 2007. – № 2 (28). – С. 71–74.
- 5 Кончакова, С. В. Прагматические функции неологизмов в современных СМИ / С. В. Кончакова // Вестник Тамбовского гос. ун-та. Сер. 4, Гуманитарные науки. – 2015. – № 11 (151). – С. 71–74.
- 6 Марьянчик, В. А. Аксиологическая функция неологизмов медиа-политического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / В. А. Марьянчик ; Архангельский. гос. ун-т. – Архангельск, 2005. – 21 с.
- 7 Семенас, А. Л. Лексика китайского языка : монография / А. Л. Семенас. – М. : Восток-Запад, 2005. – 102 с.
- 8 Сунь Юань. Эмоционально-оценочная лексика как объект исследования в русском и китайском языкознании: состояние и перспективы исследования / Сунь Юань. – БГПУ, Сер. 1. – 2015. – С. 41.
- 9 Гохуа, У. Расхождения культурных коннотаций в русских и китайских словах-реалиях: Филология. Лингвистика. Лингводидактика / У Гохуа. – М., 1995.

УДК 811.581'243'27:316.728(=581):159.937(=161.3)

Е. В. Струков

КИТАЙСКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРА ГЛАЗАМИ БЕЛОРУСА (из опыта изучения китайского языка в Северо-восточном педагогическом университете в Китае)

В статье анализируются некоторые трудности в изучении китайского языка на начальном этапе в аспекте китайской лингвокультуры на примере собственного опыта, полученного в Северо-Восточном педагогическом университете г. Чанчунь (Китай).

В числе наиболее сложных для изучения иностранных языков европейцы в большинстве случаев называют китайский [1; 2]. Об этом можно найти немало публикаций как в специальной литературе, так и на интернет-сайтах.

Мы предпримем попытку поделиться собственными опытом и впечатлениями относительно данной проблемы в более широком контексте – попутного восприятия китайской лингвокультуры «изнутри», т. е. параллельного с изучением языка ознакомления с обычаями, бытом, традициями, жизненным укладом, культурными ценностями китайского народа.

Первое, что часто называют в числе наиболее существенных трудностей [3; 4] (и с этим мы полностью согласны), – это коренные различия в письменности: кириллица,